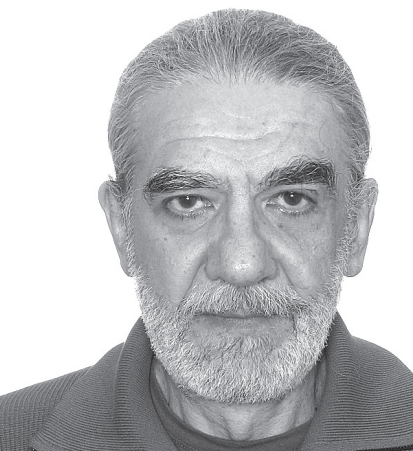

СЕРГЕЙ
РЫЖЕНКОВ

Путин и рациональность. Некоторые соображения о метаморфозах российского режима

Сергей Иванович
Рыженков (р. 1959) –
политолог.

В свое время мексиканский президент Порфирио Диас (1830–1915) и никарагуанский президент Анастасио Самоса (1896–1956) сумели создать такие режимы, в которых персональное господство сочеталось с ограниченной электоральной конкуренцией, применявшейся при формировании как исполнительной, так и законодательной власти¹. В 1980–1990-е, отмеченные завершением деколонизации Африки и распадом Советского Союза, этот опыт оказался востребованным. Режимы электорального авторитаризма в странах с президентскими системами шли по одному из двух путей: они либо дополняли сложившиеся практики единоличного властвования электоральным измерением, либо же преобразовывались в такие режимы, где персоналистское измерение со временем становилось безраздельно определяющим.

В настоящей статье такого рода режимы выделяются в отдельный тип авторитарных режимов – электорально-персона-

1 Подробнее см.: BETHELL L. *Mexico since Independence*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 60–124; WALTER K. *The Regime of Anastasio Somoza: 1936–1956*. Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press, 1993.

РОССИЯ ПРИ
НОВОМ/СТАРОМ
РЕЖИМЕ

листские диктатуры. Поскольку в отмеченном направлении на протяжении десятилетий шли десятки стран, перед исследователем открывается возможность обнаружить если не закономерности, то хотя бы паттерны, характерные для подобных режимов. В свою очередь это может приблизить нас к пониманию тех политических процессов, которые в последнее время – и в особенности в минувшем году – происходили в России.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

«УТРАТА СВЯЗИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ»?

Согласно распространенному мнению, украинская операция планировалась российским руководством как «маленькая победоносная война». Многие эксперты полагают, что результатом победы должно было стать беспрецедентное переизбрание Владимира Путина на новый президентский срок в 2024 году. Соответственно, в связи с тем, что достижение победы на поле боя по прошествии года остается неопределенным, все большую популярность приобретает тезис, согласно которому существующий российский политический режим находится в кризисе и чуть ли не близок к своему концу. В то же время порой высказываются предположения, что нынешняя военная операция является результатом «утраты связи с реальностью», то есть неадекватной оценки положения дел в стране и мире. Нерациональность поведения президента и его окружения, согласно этой точке зрения, еще более отчетливо проявляется в использовании угрозы применения ядерного оружия.

Однако и по каждому из этих пунктов – в которых, безусловно, фиксируются узловые точки происходящего, – и по их взаимосвязи возникают вопросы. Прежде всего военное и политическое планирование всегда предполагает наличие «плана Б» на тот случай, если что-то пойдет не так. Трудно представить, что у российского руководства не было подобного запасного плана. Следовательно, гипотеза, что военные неудачи стали для него полной неожиданностью и застали врасплох, является как минимум преувеличением. Если же говорить о предстоящих президентских выборах, то не очень понятно, чем они могут быть опасны для власти. Ведь и в ходе опроса по изменению Конституции в 2020 году, и на парламентских выборах 2021-го были использованы такие нововведения, как многодневное и дистанционное электронное голосование, гарантирующие нужные результаты, – при том, что в стране и без того давно устоялась проверенная система отбора кандидатов и подсчета голосов, обеспечивающая контроль над выборами. Криминализация же оппозиционной политической деятельности и гражданского активизма, а также усиление репрессий,

включая превентивные, минимизировали возможности протестной мобилизации, в том числе и по поводу электоральных процедур. Наконец, наиболее спорным представляется утверждение о едва ли не неизбежном крахе российского режима из-за отсутствия побед на поле боя. В условиях фактического (с элементами юридического) военного положения и при наличии мощных силовых ресурсов в лице полиции, Росгвардии, ФСБ, ФСО и других возникновение угрозы режиму и/или личной власти Владимира Путина из-за такого рода неудач представляется маловероятным.

На мой взгляд, разобраться с этими вопросами, а также объяснить кажущееся нерациональным поведение российской власти будет легче, если мы обратимся к более широкому контексту. В странах с президентской формой правления часто наблюдается, как уже было сказано, соединение характеристик двух режимов – электорального авторитаризма и персоналистской автократии. Как правило, подтверждением персонализации власти становятся попытки отменить ограничения на количество президентских сроков, возвращение на президентский пост после временной передачи власти преемнику, продление текущих полномочий и тому подобные электоральные манипуляции². В дальнейшем же – в случае успеха – президенты-диктаторы стараются надежно и своевременно устранять угрозы своей личной власти.

В теоретической литературе, насколько мне известно, нет точных «рецептов», обеспечивающих выживание подобных режимов и их лидеров. Диктаторы, опираясь на государственные ресурсы, в различной дозировке варьируют набор традиционных авторитарных инструментов сохранения власти: произвольно меняют законы, репрессиируют оппозицию, управляют преданными им партийными формированиями, принуждают элитные группы и население к подчинению и поддержке и/или покупают их, контролируют средства массовой информации, используют в узкокорыстных интересах внешнеполитические факторы, тщательно заботятся о личной безопасности и так далее³.

Вместе с тем электоральный авторитаризм предполагает стратегии кооптации системной оппозиции⁴, сортировки оппо-

2 Подробнее об электоральных манипуляциях см.: SCHEDLER A. *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. New York: Oxford University Press, 2013. P. 259–294.

3 См.: SVOLIK M. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York: Cambridge University Press, 2012; GEDDES B., WRIGHT J., FRANTZ E. *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. New York: Cambridge University Press, 2018; см. также обзорную работу, написанную в научно-популярном ключе: FRANTZ E. *Authoritarianism: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press, 2018.

4 GANDHI J. *Political Institutions under Dictatorship*. New York: Cambridge University Press, 2008; GANDHI J., PRZEWORSKI A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279–1301.

зиционером на лояльных и радикальных⁵, получения электро- рального сверхбольшинства, призванного продемонстрировать несокрушимость режима⁶. Применение этих стратегий запускает механизмы своеобразного «политического самоуправления»: значительная часть элит и общества начинает культивировать в себе навыки, позволяющие уклоняться от кнута и получать пряники за «хорошее», с точки зрения режима, поведение. Многим диктаторам удается завоевывать в различных сегментах общества устойчивую личную популярность, основанную на экономических достижениях, эффективном патронаже, международных успехах, разрешении внутренних конфликтов, безудержной рекламе в СМИ.

Можно сказать, что каждый диктатор постоянно ищет идеальное для конкретного контекста сочетание всех перечисленных инструментов, позволяющее оставаться у власти до конца максимально долгой жизни. Наблюдателям, которые не включены в этот многослойный процесс, поведение диктаторов и их окружения, агентов власти и ее аппарата, занятых подобным поиском, может казаться противоречивым, алогичным, хаотичным. Тем не менее большинство подобных режимов существуют долго, проходя за десять–пятнадцать лет стадии создания и развития, а затем консолидируясь в полноценные электорально-персоналистские диктатуры, которые примерно в половине случаев демонстрируют жизнестойкость. Сказанное означает, что какая-то политическая логика в деятельности по сохранению таких режимов все же имеется – пусть она и напоминает иногда алхимические попытки выплавить золото (то есть способ править до конца жизни, ни в чем себе не отказывая) из недрагоценных металлов (электоральных трюков и репрессивных мер).

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПЕРСОНАЛИСТСКИЕ ДИКТАТУРЫ: ЭМПИРИКА

В период ослабления и распада Советский Союз утратил влияние в Африке, и в результате на рубеже 1980–1990-х большая часть африканских однопартийных, персоналистских, военных режимов, ранее поддерживаемых Москвой, переориентировалась на западный мир. Вместе с тем они ощущали нарастающее

- 5 LUST-OKAR E. *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- 6 MAGALONI B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press, 2006; GEDDES B. *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised Version of a Paper Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association*. Washington, 2005.

внутреннее давление: различные сегменты элит и общества все настойчивее требовали демократизации, а принципы многопартийности, честных выборов, признания базовых прав и свобод фиксировались в новых конституциях⁷. В президентских республиках, как правило, в то время устанавливались ограничения на число президентских сроков для одного лица; чаще речь шла о двух сроках – по образцу США⁸.

Сами лидеры, санкционировавшие подобные конституционные нормы, зачастую уже находились у власти по десять лет или больше; по-видимому, они вряд ли планировали уступить ее по результатам выборов или уходить с поста по завершении двух сроков. Кому-то, однако, в силу разных обстоятельств все-таки пришлось это сделать, проиграв электоральную гонку; другие же, напротив, правили еще долго, взяв под контроль электоральные процессы и сумев отменить ограничения по срокам. Некоторые из этих людей остаются президентами до сегодняшнего дня, иные же скончались на своем высоком посту, а третьи были свергнуты в результате восстаний либо военных переворотов. «Вечное» президентство, более или менее регулярно подтверждаемое на ограниченно-конкурентных выборах, стало востребованной моделью сохранения власти не только в африканских, но и в некоторых постсоветских странах.

«Вечное» президентство, более или менее регулярно подтверждаемое на ограниченно-конкурентных выборах, стало востребованной моделью сохранения власти не только в африканских, но и в некоторых постсоветских странах.

В клуб правителей, которые охотно пользуются ею, входят главы в основном бедных стран, подверженных коррупции, имеющих конфликты с соседними государствами и/или на собственной территории. Они опираются на разветвленный аппарат власти, ручные партийные и общественные организации, эшелонированную силовую защиту, контроль над законодательным процессом и средствами массовой информации. Независимо от размера страны и численности ее населения единолично управлять всеми процессами, приспособившись

7 Подробнее см.: WISEMAN J.A. (Ed.). *Democracy and Political Change in Sub-Saharan Africa*. London; New York: Routledge, 1995; LINDBERG S.I. *Democracy and Elections in Africa*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

8 Подробно об этом см.: BATURO A., ELGIE R. (Eds.). *The Politics of Presidential Term Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2019; TULL D., SIMONS C. *The Institutionalisation of Power Revisited: Presidential Term Limits in Africa* // *Africa Spectrum*. 2017. Vol. 52. № 2. P. 79–102.

к изменениям глобального, регионального, национального уровня, безусловно, не просто. Но если диктатор задержался у власти на несколько десятилетий, то это означает, что ему удалось найти необходимое сочетание репрессивных, электоральных и других политических инструментов.

В тридцати выделяемых мною режимах⁹ с президентской формой правления¹⁰, сочетающих электорализм и персонализм, диктаторы, в конечном счете, потерпели неудачи в половине случаев: пятнадцать раз они расставались с властью с посторонней помощью¹¹. Правда, некоторые из таковых успели повластвовать весьма продолжительное время: Роберт Мугабе в Зимбабве 37 лет, Альфредо Стресснер в Парагвае около 35 лет, Нурсултан Назарбаев в Казахстане и Идрис Деби Итно в Чаде по 30 лет.

Одиннадцать режимов существуют сегодня. В четырех случаях завершение диктаторских карьер произошло по причине смерти от болезней. 43 года возглавляет Экваториальную Гвинею Теодоро Обианг Нгема Мбасого. Поль Бийя правит Камеруном 40 лет. Омар Бонго Ондимба скончался, находясь у власти в Габоне 41 год. Эти цифры могут служить ориентиром для диктаторов, сроки правления которых составляют «всего» двадцать–тридцать лет: такие результаты вполне достижимы. Таким образом, кратким ответом на поставленный выше вопрос о рациональности или нерациональности линии российского руководства будет констатация *проблематичности выживания режимов при наличии возможности их сверхдолгого существования*. Отсюда, собственно, и вытекает готовность идти на любые, в том числе чрезвычайные, меры, призванные с большим запасом обеспечить сохранение диктатур.

- 9** Строго говоря, речь идет о 27 государствах: в трех странах электорально-персоналистские диктатуры устанавливались дважды. Случай Туркменистана исключен мной из рассмотрения, так как династическая смена власти произошла там менее года назад и ее последствия пока не ясны. Также пока рано говорить о превращении режима в электорально-персоналистскую диктатуру в современном Египте: хотя президент Абдель Фаттах ас-Сиси избрался после «обнуления» сроков в третий раз, общее время его нахождения у власти составляет менее десяти лет.
- 10** Электорально-персоналистские диктатуры, созданные и развивающиеся на базе парламентских систем в авторитарных странах (Малайзия в период первого правления Махатхира Мохамеда, Камбоджа, Сингапур и другие), имеют собственную специфику.
- 11** Анализ последствий крушения электорально-персоналистских диктатур в рамки настоящего исследования не входит. Мной не рассматриваются также попытки установления электорально-персоналистских диктатур в странах слабой или неустойчивой демократии. (Демократия понимается в минималистском смысле как «режим, в котором те, кто правит, избираются на конкурентных выборах», что подтверждается сменой власти по результатам выборов – см.: PRZEWORSKI A., ALVAREZ M., SNEIBUB J., LIMONGI F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1959–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 15, 27.) На конец 2022 года успех пока сопутствует Даниелю Ортеге в Никарагуа, Реджепу Эрдогану в Турции, Николасу Мадуро в Венесуэле, продолжившему аналогичный курс предшественника – Уго Чавеса, умершего в 2013 году. Неудачные попытки предпринимали Эво Моралес в Боливии, Альберто Фухимори в Перу, Абдулай Вад в Сенегале, Серж Саргсян в Армении. Кроме того, в 2023 году ожидается подобная попытка в Бенине.

Электорально-персоналистские диктатуры (ЭПД) и их лидеры

Страна	Президент	Период существования ЭПД ¹²	Причина оставления поста
Азербайджан	Ильхам Алиев	2003 – н.в. (19)	–
Алжир	Абдель Азиз Бутефлика	1999–2019 (20)	Восстание
Беларусь	Александр Лукашенко	1994 – н.в. (28)	–
Буркина Фасо	Блэз Компаоре	1987–2014 (27, ок. 16)	Восстание
Габон	Омар Бонго Ондимба	1967–2009 (41, 15)	Смерть
Гамбия	Дауда Кайраба Джавара	1970–1994 (29, 12)	Военный переворот
	Яйя Джамме	1994–2017 (22, 20)	Поражение на выборах
Гвинея	Лансана Конте	1984–2008 (24, 15)	Смерть
	Альфа Конде	2010–2021 (ок. 11)	Военный переворот
Джибути	Исмаил Омар Гелле	1999 – н.в. (22)	–
Зимбабве	Роберт Мугабе	1980–2017 (37, 27)	Военный переворот
Йемен	Али Абдалла Салех	1978–2012 (33 ¹³ , 12)	Восстание
Казахстан	Нурсултан Назарбаев	1991–2022 (30, 20)	Отстранение преемником
Камерун	Поль Бийя	1982 – н.в. (40, 30)	–
Кыргызстан	Аскар Акаев	1991–2005 (13)	Восстание
Мавритания	Маауйя ульд Сид Ахмед Тайя	1984–2005 (20, 13)	Свержение спецслужбами
Парагвай	Альфредо Стресснер	1954–1989 (ок. 35, 26)	Военный переворот
Республика Конго	Дени Сассу-Нгессо	1979 – н.в. ¹⁴ (38, 20)	–
Россия	Владимир Путин	1999 – н.в. (22, 18)	–
Руанда	Поль Кагаме	2000 – н.в. (22, 19)	–
Сенегал	Абду Диуф	1981–2000 (19, 17)	Поражение на выборах
Судан	Омар аль-Башир	1989–2019 (29, 23)	Восстание и военный переворот
Таджикистан	Эмомали Рахмон	1992 – н.в. (30, 28)	–
Того	Гнассингбе Эйадема	1967–2005 (38, 11)	Смерть
	Фор Гнассингбе	2005 – н.в. (17)	–
Тунис	Зин аль-Абидин Бен Али	1987–2011 (23, 11)	Восстание
Уганда	Йовери Кагута Мусевени	1986 – н.в. (36, 26)	–
Узбекистан	Ислам Каримов	1991–2016 (24, 16)	Смерть
Чад	Идрис Деби Итно	1990–2021 (30, 24)	Убит
Экваториальная Гвинея	Теодоро Обианг Нгема Мбасого	1979 – н.в. (43, 13)	–

Сами диктаторы могут и не иметь точной информации о том, что конкретно делали (или не делали) их коллеги, чтобы добиться успеха, либо же, напротив, о том, что привело их к краху, но они, безусловно, влияют друг на друга, многому друг у друга учатся¹⁵ и не могут не знать о событиях, затрагивающих судьбы родственных режимов и их вождей. Так, за время путинского

12 В скобках указываются количество лет пребывания диктаторов у власти в целом и по итогам ограниченно конкурентных выборов. Единственное число в скобках указывает на срок пребывания у власти по итогам ограниченно конкурентных выборов.

13 В том числе около двенадцати лет, как президент Йеменской Арабской Республики (Северного Йемена).

14 В 1992–1997 годах находился не у власти.

15 См.: VANDERHILL R. *Promoting Authoritarianism Abroad*. London: Lynne Rienner, 2013; KNEUER M., DEMMELHUBER T. *Gravity Centres of Authoritarian Rule: A Conceptual Approach* // Democratization. 2016. Vol. 23. № 5. P. 775–796; DAVIS N.R. *Old Dogs, New Tricks: Authoritarian Regime Persistence through Learning*. Ph.D. dissertation. University of Wisconsin-Milwaukee, 2020 (<https://dc.uwm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3370&context=etd>).

правления власти лишились многие главы государств, с которыми российский президент встречался или имел профессиональные связи – фамилии некоторых из них будут упомянуты ниже. Кроме того, свои посты за тот же период потеряли и лидеры дружественных России авторитарных режимов, не входящих в число электорально-персоналистских диктатур: например, Муаммар Каддафи, Хосни Мубарак, Виктор Янукович. Наконец, два близких российскому руководителю лидера едва не утратили власть, выжив лишь при поддержке Москвы: речь идет о Башаре Асаде и Александре Лукашенко. Не исключено, что весь этот «мартиролог» стимулировал президента России к размышлениям о том, как самому избежать подобных неприятностей. Сталкиваясь с однотипными проблемами, диктаторы, опираясь на собственный опыт, осознают, что решать их нужно, тщательно взвешивая возможные развилки и потенциальные последствия – не забывая при этом о реализации своих фундаментальных устремлений сохранить кресло во что бы то ни стало.

Сравнительный эмпирический материал дает ответ на вопрос, какие угрозы являются критически опасными для диктаторов. Надо сказать, что перечень опасностей разнообразен. В двух случаях диктаторы *проигрывали выборы*. Президент Сенегала Абду Диуф в 2000 году после девятнадцати лет правления проиграл выборы постоянному конкуренту от системной оппозиции Абдулаю Ваду. Яйя Джамме, занимавший пост президента Гамбии 22 года, потерпел поражение в 2016 году и после недолгого сопротивления вынужден был его признать.

Четыре раза диктаторы теряли власть *в результате восстания*. В 2014-м на 28 году правления президент Буркина Фасо Блэз Компаоре предпринял попытку второй раз «обнулить» предыдущие сроки – и был свергнут. В 2011-м из-за массовых протестов президент Туниса Зин аль-Абидин Бен Али был вынужден оставить пост после 23-летнего пребывания у власти. В 2012-м потерял власть Али Абдалла Салех, который оставался главой Йемена на протяжении 21 года, а до того около двенадцати лет руководил Йеменской Арабской Республикой (Северным Йеменом). В 2019-м Абдель Азиз Бутефлика «под занавес» второго десятилетия пребывания на посту президента Алжира предпринял попытку баллотироваться в пятый раз, что вызвало массовые протесты, приведшие к отставке.

Также в четырех случаях диктатора *свергали военные или спецслужбы*. Альфредо Стресснер, который правил Парагваем около 35 лет, в 1989-м был смещен с поста армейской верхушкой. Дауда Кайраба Джавара, возглавлявший Гамбию 29 лет¹⁶, в 1994-м был свергнут в результате военного переворота. Пре-

16 В 1982–1989 годах Гамбия входила в состав конфедерации Сенегамбия, в которой Джавара занимал должность вице-президента.

зидент Зимбабве Роберт Мугабе был отстранен от власти армией в 2017-м после 37-летнего правления. Президент Мавритании Маауйя ульд Сид Ахмед Тайя, чей стаж пребывания у власти составлял двадцать лет, был в 2005-м свергнут спецслужбами. Еще в одном случае свержение диктатора произошло в результате сочетания массовых протестов и военного переворота; такой оказалась судьба президента Судана Омара аль-Башира, который в 2019 году, возглавляя страну на протяжении 29 лет, спровоцировал недовольство своим заявлением о желании в пятый раз участвовать в выборах. Стоит подчеркнуть, что в семи случаях из девяти свержения диктаторов были связаны с выборами – с попытками идти на новый срок.

Еще два случая неудач, постигших диктаторов на ранней стадии электорально-персоналистского режима, также были связаны с массовыми выступлениями против новых президентских сроков. Но их можно выделить в особую подгруппу, ибо в каждом из них инкубенты правили относительно недолго, персонализация власти далеко не зашла, а электорально-персоналистская диктатура еще только складывалась. Аскар Акаев в 1990 году был избран Верховным советом Киргизской ССР на должность президента. После провозглашения независимости Кыргызстана в 1991-м он победил на альтернативных выборах, а в 1994-м его полномочия были подтверждены на референдуме. В 1995-м на досрочных выборах Акаев вновь одержал победу, повторив свой успех и в 2000-м. На референдуме 2003 года президент получил разрешение остаться на своем посту до 2005-го. Но в связи с парламентскими выборами в стране начались массовые протестные выступления, одной из причин которых была неопределенность перспектив президентских выборов: элитам и улице было не ясно, намеревается ли Акаев баллотироваться в очередной раз или, возможно, он решится на династическую передачу власти. В итоге в марте 2005-го Акаев на четырнадцатом году правления ушел в отставку и выехал в Россию. Другой ранний отставник – лидер партии «Объединение гвинейского народа» Альфа Конде, – одержав победу на президентских выборах 2010 года, повторил успех в 2015-м. В 2020-м после «обнуления» и увеличения срока президентских полномочий с пяти до шести лет он вновь победил на выборах, однако эта победа, как и само «обнуление», на этот раз вызвали массовые протесты. В 2021-м – меньше, чем через год после избрания, – гвинейский лидер был свергнут в результате военного переворота.

Наконец, власти можно лишиться, если *в передаче ее преемнику произойдет неожиданный сбой*. Именно это случилось с фактическим главой Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, который три десятилетия возглавлял страну, в том числе и после ухода в 2019-м с поста президента. В начале 2022 года,

однако, «лидер нации» был оттеснен от рычагов управления выдвинутым им же самим преемником. К необычным ситуациям можно добавить также уникальный случай президента Чада: в 2021-м местный диктатор Идрис Деби Итно погиб на 31 году правления, посещая театр военных действий.

Таким образом, восстания и перевороты, связанные с электоральным процессом, выступают главной причиной падения электорально-персоналистских диктатур. Кроме того, диктаторами допускались оплошности, приводящие к проигрышу на выборах или выходу преемника из-под контроля. Наконец, пренебрежение личной безопасностью и здоровьем также могло повлечь за собой мрачные последствия.

УСТРАНЕНИЕ ГЛАВНЫХ УГРОЗ: МНОГОХОДОВКА

Вопреки расхожему мнению, что Путин не дружит с современными технологиями, его поведение наводит на мысль о близком знакомстве с видеоиграми. Существует «страшилка», описывающая якобы типичную ситуацию, в которую попадают завязтые видеоигроки: они переносят игровой опыт в реальную жизнь, воспринимая происходящее в ней как нечто ненастоящее, что иногда делает подобных людей опасными для окружающих. На первый взгляд, поведение президента внешне не соответствует этой модели: он будто бы использует на деле полученный в видеоиграх опыт. Проходит уровень за уровнем, собирает ресурсы, преодолевает препятствия, строит крепости, расправляется с противниками, находит союзников, прибегает к секретным уловкам – игнорируя тот факт, что все происходит отнюдь не на экране, а в результате такой игры страдают многие. Отталкиваясь от этой аналогии, попробую, анализируя ведущуюся им стратегическую игру, переформулировать проблему «связи с реальностью».

После президентских выборов 2018 года Путин оказался в положении «хромой утки». Согласно действовавшей в тот период Конституции, он не имел права баллотироваться в третий раз подряд. Это обстоятельство могло провоцировать нежелательные для него изменения в оценках ситуации лояльными ему значимыми политическими игроками, а также их клиентами – и, как следствие, создавать проблемы в политическом управлении страной. Косвенным подтверждением подобной угрозы стало обсуждение в СМИ темы «транзита власти», шансов вероятных преемников и снижения президентского рейтинга. Проблему решили посредством предложения «обнулить» сроки президентства Путина, которое было сделано им самим в послании Федеральному собранию 15 января 2020 года, а за-

тем включено в обновленную Конституцию в июле того же года. Элитные группы получили однозначный сигнал: вопрос, можно ли Путину оставаться у власти, в юридическом плане закрыт – как минимум до 2030 года.

Но что в подкрепление этого намерения готов был осуществить Путин в реальности, а не на бумаге? Более чем двадцатилетнее пребывание у власти, ее глубокая персонализация и фактическая заявка если не на пожизненное правление, то еще на два шестилетних срока на фоне отсутствия экономических успехов подталкивали к поиску эффективных стратегических решений, которые с готовностью приняли бы элиты и граждане. Отмечу, что в подобных обстоятельствах в Тунисе в 2012 году, в Алжире в 2019-м и в других потерпевших крах электорально-персоналистских диктатур «старые собаки», если воспользоваться известным выражением, не сумели показать «новых трюков». В результате массовые протесты закончились падением режима и бегством президента в первом случае, передачей власти преемнику во втором случае, отстранениями диктаторов армией или спецслужбами в иных случаях. Выборы и массовые протесты в Беларуси в 2020 году стали свежим примером того, что бывает, когда автократ не хочет обновлять стратегический репертуар: за сохранение позиции главы государства Александру Лукашенко пришлось заплатить частичной потерей суверенитета страны.

Не исключено, что как раз развитие событий в Беларуси в какой-то мере подсказало российскому руководству стратегический ответ на угрозу политического кризиса в преддверии или после президентских выборов 2024 года. Вместо репрессий, к которым с большой долей вероятности пришлось бы прибегнуть *post factum*, было решено сыграть на упреждение, запустив репрессивную машину превентивно – и продемонстрировав тем самым прочность режима и могущество его лидера как элитным, так и оппозиционным группам, а также ориентирующимся на них гражданам. Параллельно на общероссийском голосовании по внесению поправок в Конституцию, прошедшем 25 июня – 1 июля 2020 года, и на выборах в Государственную Думу, состоявшихся 17–19 сентября 2021 года, были отработаны механизмы, сводящие электоральный процесс к технической процедуре: практически бесконтрольное многодневное предварительное голосование и полностью неконтролируемое дистанционное голосование. Как следствие, элиты и общество получили однозначный сигнал об отсутствии каких-либо узкоэлекторальных угроз для власти.

Финальными актами этой стратегической четырехходовки стали сначала открытая подготовка к «маленькой победоносной войне», а затем – после замешательства Запада с ответом на нее – реализация плана военной операции в Украине, на-

чатой 24 февраля 2022 года. В том случае, если бы США, Европейский союз, НАТО и Украина попытались бы предотвратить такое развитие событий, предложив значительные уступки, Путин на долгие годы становился бы безальтернативным лидером – и ни о какой «проблеме-2024» не было бы и речи.

Еще более впечатляющим фактором укрепления режима личной власти Путина оказалась бы быстрая и убедительная победа на поле боя. Присоединение части Украины, включая коридор в Приднестровье, в добавление к уже присоединенному Крыму и создание в другой ее части марионеточного государства; превращение Беларуси в вассальный феодал плюс перспективы укрепления российского влияния в Казахстане, Армении и Грузии, часть территории которой – Южная Осетия и Абхазия – уже контролируется Россией, – все это позволяло бы Путину на обозримое будущее снять любые вопросы о возможной конкуренции. Президент поднял бы свой статус «сильного политика» на небывалую высоту, несмотря на возникающие в обществе сомнения относительно целесообразности столь долгого пребывания у власти одного и того же лица, малоэффективного в качестве главного «хозяйственника» страны.

Однако в реальности российским властям пришлось удовольствоваться менее благоприятными для них последствиями: столкнувшись со стойким сопротивлением со стороны Украины, Путин был вынужден вводить в действие запасной план. Не приходится сомневаться, что он существовал, хотя оценивался его творцами как менее вероятный и потому оказался не столь проработанным, как основной. (Замечу, что в этом смысле мантру «все идет по плану», часто повторяемую Путиным и его сторонниками, можно считать соответствующей реальному положению дел.) Затяжные военные действия, имеющие незначительный успех, вызвали соответствующую реакцию власти на внутривнутриполитическом фронте. Усиление репрессий, посадка и выдавливание за границу еще остававшихся на свободе лидеров оппозиции и политических активистов, ликвидация последних независимых и даже полунезависимых СМИ, повышение градуса конфронтации с Западом, официальное придание управленческого статуса силовым структурам на федеральном и региональном уровнях в рамках полувоенного положения, введенного 19 октября 2022 года, – эти меры в случае продолжения военных действий и тем более их (при)остановки до президентских выборов также снимают с повестки возникновение «проблемы-2024».

Я не случайно использую формулировку «проблема-2024»: это отсылка к ситуации, связанной с так называемой «рокировкой» – возвращением Путина в президентское кресло в 2012 году после четырехлетнего формального пребывания в должности премьер-министра. Тогда имела место недооценка Кремлем

значимости парламентских выборов декабря 2011 года, которые опережали президентские выборы всего на три месяца. Причем Путин намеревался избраться на них на шестилетний срок; продление было ранее оформлено законодательно. Поднявшееся буквально на следующий день после выборов в Государственную Думу массовое протестное движение, выступившее за честные выборы, привело к кризису политического режима. Властям, однако, удалось сдержать протест до президентских выборов и не допустить новой вспышки уличной активности после них. 6 мая, накануне инаугурации Путина, во время демонстрации в Москве, которая должна была завершиться митингом на Болотной площади, произошли столкновения полиции с протестующими, после чего последовало усиление репрессий против лидеров и активистов движения.

Затем, в 2013–2014 годах, российское руководство воспользовалось протестами в Украине, закончившимися бегством президента Виктора Януковича, и вмешалось в дела соседнего государства, маскируя свою интервенцию под внутриукраинский конфликт с участием российских добровольцев. Включение Крыма в состав России и *de facto* оккупация части Донецкой и Луганской областей, на территории которых были созданы так называемые «народные республики», укрепили поддержку режима и лично его лидера внутри страны. Последовавшие за этим санкции Запада продемонстрировали его неготовность наказывать Россию за применение силы. Ужесточение репрессий против оппозиции и территориальные приращения, показавшие способность Кремля как бы на равных противостоять Западу, плюс новая порция изменений в избирательное законодательство привели к беспроblemному преодолению нового электорального цикла: думские выборы 2016 года и президентские выборы 2018-го прошли без потрясений.

Таким образом, выстроилась цепочка стратегических решений, позволяющая преодолевать кризисы, характерные для режимов электорального авторитаризма. Она состояла из: а) манипуляций с электоральными процедурами; б) усиления репрессий против внесистемной оппозиции; в) военной экспансии, отвлекающей от внутривнутриполитической повестки и консолидирующей массовую поддержку режима. В 2020 году власти решили, что эту многоходовку «можно повторить», внося в нее ряд изменений, касающихся в основном порядка и интенсивности предпринимаемых шагов, из которых самым важным стало «обнуление» президентских сроков. В 2011 году объявление о возвращении Путина на пост президента затянулось, и, когда в сентябре оно, наконец, прозвучало, настроения в элитах и обществе уже были «размагничены» предшествующим президентством Дмитрия Медведева. Несмотря на неофициальный титул лидера нации, тиражи-

ровавшийся тогда прорежимными СМИ, Путин слишком долго откладывал формальное заявление о решении идти на новый срок. В 2020 году опасность подобного сбоя была устранена.

Этот стратегический набор – с различными вариациями – неоднократно воспроизводился и в других режимах электорального авторитаризма с выраженными чертами персоналистского лидерства в качестве ответа на угрозы, связанные с приближением судьбоносных электоральных событий. Именно им задавалась динамика, приближающая режимные параметры к стандартам классических авторитарных режимов.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

СТОЛКНОВЕНИЕ РЕАЛЬНОСТЕЙ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, следствием работы над ошибкой 2011 года – плохо подготовленной «рокировкой» – стал ряд действий, который позволяет российской верхушке с оптимизмом смотреть на перспективы режима в среднесрочной перспективе как минимум до 2025–2030 года. Вероятнее всего, речь должна идти о каком-то заделе для создания за этот период условий, которые позволят превратить, формально или неформально, президентство Путина в пожизненное. В списке этих действий можно упомянуть:

- «обнуление», проведенное заранее, в июле 2020-го, почти за четыре года до выборов – во время запрета протестных акций из-за пандемии;

- отравление в 2020 году лидера внесистемной оппозиции Алексея Навального, разгром созданных им структур, его арест в январе 2021-го и демонстративно жесткое подавление протестов против этого ареста;

- использование на опросе по изменению Конституции, а также на выборах в Государственную Думу в 2021 году многодневного и дистанционного голосования, исключающего любые неожиданности;

- запуск превентивных репрессий и общее ужесточение репрессивной политики в период, предшествовавший думским выборам 2021 года, а также после них.

В этом ряду объявление специальной военной операции следует признать логичным шагом, так как она – в сочетании с перечисленными действиями – полностью исключает какие-либо угрозы как для выборов 2024 года, так и для нового президентского срока Путина. Отсутствие военных успехов корректирует этот план, но не блокирует его, поскольку полное поражение невозможно в силу обладания ядерным оружием. Создается ситуация, хорошо описанная в анекдоте о том, как после подорожания водки на вопрос сына «Теперь ты будешь меньше пить,

папа?» – отец отвечает: «Нет, теперь ты будешь меньше есть, сынок». То есть не получилось сделать заявку на пожизненное правление «по-хорошему» – в роли собирателя бывших советских земель, – значит, будет «по-плохому»: больше репрессий, больше контроля над элитными группами, больше политико-мобилизационной активности. Нынешнее полувоенное положение (в дальнейшем способное превратиться в полноценное военное) позволяет использовать практически любые средства подавления и профилактики недовольства и протестной активности, а также контроля над потенциальными перебежчиками из числа влиятельных лоялистов. В то же время – по крайней мере до введения военного положения – будут *de jure* функционировать партии системной оппозиции и проводиться выборы разных уровней: это нужно для канализации протестных настроений и демонстрации несокрушимости режима.

Представленная в таком виде картина соответствует логике рационального поведения как она понимается в теории рационального выбора¹⁷. Согласно этой теории, политические деятели преследуют собственные карьерные цели, а структурные характеристики – прежде всего политические институты, но также и более широкие условия – очерчивают набор стимулов, влияющих на выбор акторами их стратегий. При этом выбор стратегии, как в теории игр, зависит от действий других акторов и/или ожидаемых от них стратегических решений. В этом смысле политический контекст режима как электорально-персоналистской диктатуры и ожидания ответов других потенциально опасных игроков определили оптимальную стратегию Путина по сохранению и укреплению власти в обозримом будущем, что является его единственной карьерной целью как политика. Все основные шаги в этом направлении, сколь бы странными, необязательными или даже чудовищными они ни казались извне, предстают в такой рамке как логичные и рациональные, соответствующие той реальности, которая является для него намного реальнее, чем та, где существует далекое от проблем выживания диктаторов общество.

Иными словами, диагноз «утрата связи с реальностью» верен лишь отчасти. Фраза «Другого выбора у нас не было», произнесенная Путиным 24 февраля 2022 года в контексте обоснования украинской операции, покажется куда более осмысленной, если приложить ее к совокупности всех совершенных им рационально рассчитанных стратегических ходов по укреплению созданной им и его окружением электорально-персоналистской диктатуры.

17 Компактное изложение теории рационального выбора см. в работе: GEDDES B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2003. P. 175–211.